

СОВЕТСКАЯ ЭЛИТА 1930-Х ГГ.: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ

Михаил Аркадьевич Фельдман,

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС,
Екатеринбург, Россия,
feldman-mih@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 18.08.2021, принята к публикации 17.11.2021

Для цитирования: Фельдман М.А. Советская элита 1930-х гг.: проблема идентификации // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 29–45. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_29

Аннотация

Изучение характеристик правящей элиты Советского Союза, обладавшей почти безграничными возможностями управления во всех сферах жизни общества, представляет особый интерес. Правящая элита, или «номенклатурная верхушка», формировалась главным образом из членов ЦК ВКП(б). В статье прослеживается эволюция социальных характеристик и политического поведения советских управленцев, входивших в состав ЦК ВКП(б) в 1930-е гг. Это позволяет выявить реальное соотношение утопических и адекватных условиям времени методов управления, приблизиться к пониманию подлинной истории советского общества и государства. Автором отмечается существующая в научной литературе недооценка роли пленумов ЦК ВКП(б), от которых зависела легитимизация управленческих решений советского руководства. В статье характеризуются такие процессы, как переход с 1933 г. к «умеренному курсу», связанному с нарастанием относительного «разномыслия» в различных структурах партийно-государственного аппарата; принятие государственной программы обязательного технического образования рабочих на Пленуме ЦК ВКП(б) в декабре 1935 г.; обсуждение и утверждение проекта Конституции в 1936 г. Подчеркивается, что события 1936 г. продемонстрировали глубину расхождения идеалистического и рационального подходов к основным вопросам экономической политики, выявили критику курса на количественные показатели

© Фельдман М.А., 2021

и карательные методы управления. Автор прослеживает причины трагической судьбы партийно-государственной элиты, относительно стабильной на протяжении двух десятилетий (1917–1936 г.), связывая события 1937–1938 г. с закономерным проявлением длительной борьбы двух подходов (рационального и волонтаристского) к реализации государственной политики. Особое внимание уделяется проблемам укрепления обороноспособности СССР в предвоенные годы. Делается вывод о том, что на рубеже 1930–1940-х гг. судьба режима зависела от качества и быстроты действий «полководцев экономики» – хозяйственников различных уровней, региональных лидеров, военачальников, что привело вновь к стабилизации состава элиты, которая сохранила функцию амортизатора наиболее опасных сталинских решений.

Ключевые слова:

элита, СССР, партия, ЦК ВКП(б), индустриализация, обороноспособность, репрессии, управление, экономика.

UDC 93/94

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_29

THE SOVIET ELITE OF THE 1930^s: THE PROBLEM OF IDENTIFICATION

Mikhail A. Feldman,

Ural Institute of Management, Branch of RANEP, A,
Ekaterinburg, Russia,
feldman-mih@yandex.ru

Article received on August 18, 2021, accepted on November 17, 2021

For citation: Feldman, M.A. (2021). The Soviet Elite of the 1930s: The Problem of Identification. *Discourse-P*, 18(4), 29–45. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_29

Abstract

The study of the characteristics of the Soviet ruling elite, which had almost limitless management capabilities in all spheres of social life, is of particular interest. The ruling elite or “nomenklatura elite” was formed mainly from members of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), also known as the VKP(b). The article traces the evolution of social characteristics and political behavior of Soviet managers who were part of the Central Committee in the 1930^s. It allows us to reveal the real correlation of utopian and adequate to that epoch management methods; to get closer to understanding the true history of the Soviet society and the state. The author notes underestimation existing in the scientific literature of the role played by the plenums of the Central Committee of the VKP(b), on which the legitimization of managerial decisions of the Soviet leader-

ship depended. The article characterizes such processes as the transition to a “moderate course” since 1933, associated with the growth of relative “divergence” in various structures of the party-state apparatus; the adoption of the state program of compulsory technical education for workers at the Plenum of the Central Committee of the VKP(b) in December 1935; discussion and approval of the draft Constitution in 1936. It is emphasized that the events of 1936 demonstrated the depth of the divergence of idealistic and rational approaches to the main issues of economic policy, revealed criticism of the course on quantitative indicators and punitive management methods. The article traces the causes of the tragic fate of the party-state elite, which was relatively stable for two decades (1917–1936), linking the events of 1937–1938 with the logical manifestation of the long struggle of two approaches (rational and voluntarist) to the implementation of state policy. Special attention is paid to the problems of strengthening the defense capability of the USSR in the pre-war years. It is concluded that at the turn of the 1930^s and 1940^s the fate of the regime depended on the quality and speed of the actions taken by the “commanders of the economy” – business executives of various levels, regional leaders, military figures. It led again to the stabilization of the elite, which retained the function of a shock absorber for the most dangerous Stalin’s decisions.

Keywords:

elite, USSR, party, Central Committee of the VKP(b), industrialization, defense capability, repression, management, economy.

Постановка проблемы

Хронологические рамки исследования определяются временем становления тоталитарного режима в СССР. Историки едины в оценках масштабности, динамизма разновекторности изменений в раннесоветском обществе, включая его высшие слои, монополизировавшие властные полномочия (Красильников, 2020b, с. 6).

Что касается характеристик советской элиты 1930-х гг., в научной литературе сосуществуют противоположные, зачастую взаимоисключающие оценки исследователей: от восторженных – в годы СССР, а также у неосталинистов последних десятилетий, до резко критических – у приверженцев теории тоталитаризма.

Опубликованное в 1988 г. мнение американского историка Р. Даниелса о доминировании среди высших советских управленцев людей малообразованных, воспроизводящих худшие черты прежней российской политической культуры, склонных к авторитаризму и ксенофобии, недоверию к интеллектуалам (Модсли, Уайт, 2011, с. 167), стало основополагающим для многих отечественных и зарубежных советологов. В этом определении проявились сильные и слабые стороны сторонников теории тоталитаризма. Точка зрения историков, интерпретирующих советское общество в качестве тоталитарного, определяет его господствующий класс как монолитную структуру, находящуюся в статике, а верно подмеченные характеристики советской элиты существуют как нечто цельное и неизменное. В результате трудно определить источник и динамику изменений в управлен-

ческой страте, поэтому эвристический потенциал данной концепции ограничен. Например, невозможно получить ответ на вопрос, каким же образом высший управленческий корпус СССР смог реализовать индустриальный проект первых предвоенных пятилеток, создав оборонно-промышленный потенциал, способный противостоять фашистской Германии и ее союзникам?

Изучение характеристик руководящего слоя управленческого государства, обладавшего почти безграничными возможностями управления во всех сферах жизни советского общества, всегда представляет особый интерес. Правящая элита, или «номенклатурная верхушка» (Хлевнюк, 1996, с. 230), в советский период формировалась главным образом из членов ЦК ВКП(б). В свою очередь, членство в ЦК гарантировало сохранение партийного или государственного поста.

Актуальность исследования заключается и в том, что эволюция социальных характеристик и политического поведения советских лидеров в 1930-е гг. позволяет проследить реальное соотношение утопических и адекватных условиям времени методов управления, приблизиться к пониманию подлинной истории советского общества и государства. В этот период завершается становление и систематизация советской номенклатуры как особой общности людей, отдаленных от остальных граждан функциональными и социальными отличиями. В то же время в силу ряда факторов внутри элиты происходят процессы количественных и качественных изменений.

Категория «элита» получает широкое распространение в общественных науках в XX столетии благодаря работам итальянского социолога В. Парето, ставшего наряду с Г. Моска и Р. Михельсом основателем теории элитологии – одного из самых востребованных направлений современной политической науки. В отличие от классовой теории в рамках элитологического подхода главным основанием стратификации общества является не экономическое неравенство, а различное положение социальных групп по отношению к политической власти (Наронская, 2019, с. 86). Схожие выводы были сделаны в 1990-е гг. российскими социологами О.И. Шкаратаном и В.В. Радаевым, доказывавшими, что в советском (этакратическом) обществе в силу национализации собственности исчезла и сама база для деления на классы. Классовые признаки становятся вторичными, на первый план выходит этакратический тип стратификации, согласно которому дифференциация между социальными группами происходит, прежде всего, по их положению во властно-государственной иерархии (Радаев, Шкаратан, 1995, с. 198).

Современная российская политическая наука в лице, например, одного из самых известных элитологов А.В. Дуки предлагает три возможных уровня эмпирического и теоретического анализа властных элит:

1) *институциональный*, в рамках которого элита определяется как специфический институт общества, а элиты рассматриваются как группы, «контролирующие стратегические позиции в обществе или его подсистемах (структурах, институтах) и в связи с этим общественные ресурсы»;

2) *стратификационный*: элита изучается как социальный слой (класс), представителей которого отличает общность стиля, образа жизни, ценностей и норм поведения;

3) *функциональный*: элита исследуется как функциональная группа, а именно как совокупность индивидов, «занимающих стратегические позиции

в обществе или в его какой-нибудь подсистеме, позволяющие им принимать кардинальные решения, в том числе по поводу распределения и потребления общественных благ» (Дука, 2012, с. 49–50).

Следует отметить, что для эмпирического изучения российской политической элиты отечественными элитологами чаще всего используется один из трех подходов, предложенных Р. Патнэмом:

– *позиционный анализ*, согласно которому те, кто занимает высшие властные позиции в формальных государственных институтах, являются политической элитой;

– *репутационный анализ*, основанный на экспертных оценках степени влияния того или иного политика, государственного чиновника. На основании мнений экспертного сообщества формируется список политической элиты;

– *анализ принятия решений*, определяющий политическую элиту через идентификацию тех, кто реально принимает решения (Наронская, 2019, с. 90).

Изучение советской элиты 1930-х гг. на трех уровнях – стратификационном, институциональном и функциональном – выступает методологической основой настоящей статьи.

Историография указанной проблемы насчитывает значительный ряд исследований историков и социологов, философов и политологов, многие из которых стали классическими. Среди них М.С. Восленский, А.Г. Авторханов, М. Джилас, О.В. Гаман-Голутвина, О.В. Хлевнюк и др. Общей проблемой является отрыв социологического знания от контекста исторической эпохи, с ее конкретикой и основополагающими трендами. Кроме того, тридцатилетие постсоветского периода сохраняет определенную идеологизацию научных исследований, в частности, зависимость оценок исторических лиц от высказываний руководителей государства. Это обусловило постановку исследовательских задач: выявить нераскрытые характеристики и закономерности развития советской элиты 1930-х гг. и ее основных социально-профессиональных групп; раскрыть формы и результаты столкновений указанных групп с режимом личной власти Сталина; уточнить последствия репрессий 1936–1938 гг. для представителей правящего слоя.

Социологические характеристики советской элиты

Заметную роль в раскрытии указанной темы, прежде всего в рассмотрении советской элиты как *особого социального слоя*, сыграл выход монографии британских историков Э. Модсли и С. Уайта «Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный комитет и его члены, 1917–1991 гг.», опубликованной в серии книг «История сталинизма» (Модсли, Уайт, 2011). Бесспорная заслуга авторов состоит в том, что они, используя как компаративный, так и биографический методы, систематизировали данные о служебном движении около двух тысяч высших управленцев СССР на протяжении всей его истории; рассмотрели вопросы о характере изменений в составе ЦК Коммунистической партии, о масштабе представительства основных социальных слоев в советской элите.

В работе подчеркивается, что в 1917–1937 гг. партийную элиту составляли люди примерно одного возраста: большинство родились до 1901 г. и выросли в дореволюционной России, почти все были участниками революции

и Гражданской войны. Речь идет о сравнительно немногочисленной группе людей (несколько сотен человек), хотя со временем пропорция старых большевиков – входивших в состав ЦК в 1917–1923 гг. – сокращалась в силу увеличения численности руководящего органа партии и «вымывания» оппозиционеров (Модсли, Уайт, 2011, с. 92).

При практически неизменной численности членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVI съезде партии (1930 г.) – 138 человек; на XVII (1934 г.) и XVIII (1939 г.) съездах – 139 человек, в состав членов ЦК в 1930 г. вошел 31, а в 1934 г. – 28 «цекистов» «ленинского» периода (1917–1923 гг.). Этот факт говорит о преемственности кадровой политики до 1936 г. Однако из 62 еще живых в 1936 г. представителей «революционной элиты» (избираемых в ЦК в период 1917–1922 гг.) жертвами политических репрессий 1937–1938 гг. стали 44 (71%). Замена 115 из 139 «цекистов» говорила о системном истреблении тех, кто осуществлял коллективизацию и индустриализацию, в соответствии с директивами Сталина и его ближайшего окружения. Время между XVIII съездом партии (март 1939 г.) и XVIII Всесоюзной партийной конференцией (февраль 1941 г.) характеризовалось относительной стабилизацией кадрового состава ЦК: из 139 членов и кандидатов в члены ЦК 120 сохранили свой статус к началу войны (Модсли, Уайт, 2011, с. 46, 93, 141).

Что же отличало в целом социальную группу членов и кандидатов в члены ЦК? Подавляющее большинство – представители различных управленческих ведомств и структур. Так, например, в ЦК 1934 г. входили 14 руководящих работников СНК и ЦИК СССР, секретарей ЦК и работников аппарата ЦК; 41 работник наркоматов СССР и союзных республик (наркомы СССР и союзных республик, их заместители и члены коллегий наркоматов); а также 44 руководителя местных партийных органов и 15 первых лиц местных советских органов (Михайлов, 1989, с. 82).

Вместе с тем анализ состава представителей органов власти между XVII и XVIII съездами показывает: произошло уменьшение доли чиновников центральных партийных и государственных органов – с 44% до 33%; региональных партийных и государственных органов – с 32% до 29%, при резком увеличении доли силовиков (представителей армии и органов госбезопасности) – с 9% до 21% (Модсли, Уайт, 2011, с. 151). Это отражало не только повышенное внимание к укреплению Вооруженных сил в предвоенный период, подмеченное британскими историками, но и стремление тоталитарного режима опираться на «вычищенные» в 1937–1938 гг. кадры из силовых структур, вплоть до назначения офицеров НКВД руководителями областных комитетов партии¹; бюрократический характер политического режима.

Важную роль при определении характеристик и потенциальных возможностей верхнего звена советской бюрократии играл стаж пребывания в партии. Составы ЦК 1930 г. и 1934 г. говорили о явном преобладании старых большевиков, вступивших в ряды партии до 1917 г.: среди 139 «цекистов» таких насчитыв-

---

¹ Решением Политбюро ЦК ВКП(б) в апреле 1938 г. первым секретарем Свердловского обкома ВКП(б) был назначен К.И. Валухин, начальник УНКВД Омской области. В декабре того же года он был снят с должности, а затем арестован и расстрелян.

валось 95 человек (68%). Остальные члены руководящего органа партии вступили в партию в 1917 г. (23 человека) или в годы Гражданской войны (21 человек).

Э. Модсли и С. Уайт, пытаясь оттолкнуться от социальных характеристик членов ЦК правящей партии, ставят вопрос о причинах трагической судьбы партийно-государственной элиты, относительно стабильной на протяжении двух десятилетий (1917–1936 гг.), но не дают ответа. Это объясняется, во-первых, ограниченностью возможностей проведенного анализа с помощью количественных индикаторов. Во-вторых, авторы не ставили задачу выявления реализации высшими управленцами СССР своего потенциала. Тем не менее в научную литературу был внесен значительный материал для изучения советской элиты как социального слоя.

Трудно согласиться с утверждением британских историков о том, что причиной столь «беспрецедентной по своим масштабам и жестокости» замены стала управленческая несостоятельность «цекистов» 1930-х гг. (Модсли, Уайт, 2011, с. 68, 140). Анализ материалов партийных форумов 1930–1934 гг. говорит о вынужденном, скрытом, но тем не менее фактическом признании Сталиным допущенных по его инициативе волюнтаристских ошибок. Показательны в этом плане оправдания Сталина на Пленуме ЦК в январе 1933 г.²; его молчание на XVII Всесоюзной партийной конференции и сдержанная самокритика на XVII съезде партии³ – форумах, подводивших предварительные и окончательные итоги первой пятилетки.

Управленческая группа из руководителей региональных комитетов партии, состоящая в своей массе из сталинских выдвинутцев, выполнила (с огромными издержками) задачи первых пятилетних планов: об этом говорит и несменяемость большинства из них в 1928–1937 гг. По обоснованному мнению О.В. Хлевнюка, важной особенностью первой половины 1930-х гг. была относительная стабильность корпуса номенклатурных руководителей, включая региональных. Многие первые секретари региональных комитетов, входившие в ЦК, занимали посты в течение продолжительного времени (1928–1936 гг.). Стабильностью до зимы 1937 г. отличался и корпус секретарей республиканских компартий. Важно также подчеркнуть, что перемещения руководителей регионов в первой половине 1930-х гг. осуществлялись, как правило, путем передвижек внутри номенклатурной системы кадров (Хлевнюк, 2016, с. 39–40).

Проблема компетенций советской элиты

Судя по авторским статьям в экономических журналах, выступлениям на партийных форумах, мемуарной литературе, публикациям времен «оттепели», высокий профессиональный статус отличал ряд членов ЦК, представителей хозяйственной элиты: руководителя Госплана (1934–1937 гг.) В.И. Межлаука; наркома легкой промышленности (1932–1937 гг.) И.И. Любимова; наркома

² Сталин, И. В. (1951). Итоги первой пятилетки: доклад 7 января 1933 г. на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7–12 января 1933 г. В И. В. Сталин, *Полное собрание сочинений* (Т. 13, с. 56–84). М.: Госполитиздат. С. 65–66, 78–84.

³ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 (1934). М.: Партиздат. С. 18–19, 24–25.

ма финансов (1934–1937 гг.) Г.Ф. Гринько; наркома лесной промышленности (1932–1936 гг.) С.С. Лобова; председателя Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР и заместителя наркома просвещения РСФСР (1930–1939 гг.) Г.М. Кржижановского; заместителя наркома тяжелой промышленности СССР (1932–1937 гг.) А.П. Серебровского; маршалов А.И. Егорова и М.Н. Тухачевского, некоторых других специалистов.

Вместе с тем, если ориентироваться на имеющиеся научные исследования, значительная часть первых секретарей обкомов и крайкомов партии отличалась низким образованием, догматичностью своих взглядов, стремлением выполнить любой ценой директиву Центра. В период до 1937 г. в группу «цекистов» входили, как правило, сталинские выдвиженцы. Судя по И.Д. Кабакову – руководителю Уральской области в 1929–1934 гг., они имели закрытый канал общения со Сталиным в форме секретных писем⁴; испытывали затруднения в работе с местными кадрами. Фактически за годы первой пятилетки Кабаков избавился от практически всех членов бюро Уральского обкома ВКП(б), работавших с ним с 1929 г.: секретарей Обкома П.Т. Зубарева, А.И. Ларичева, И.С. Семирякова; руководителей Облисполкома М.К. Ошвинцева и В.Н. Андронникова, председателя Уралоблсовнархоза Л.Е. Гольдича и др.

Общей проблемой партийных руководителей на местах до 1937 г. был невысокий образовательный уровень первых лиц в регионах. К началу 1930-х гг. доля лиц с высшим образованием среди работников партийных комитетов была существенно ниже, чем в партии в целом: 1,7% и 2,4% соответственно при примерно равенстве получивших только начальное и домашнее образование (82,1% и 84%). В то же время высшее образование имела пятая часть работников планово-регулирующих структур (20,5%)⁵.

Характеризуя изменения образовательных характеристик «цекистов», исследователи Т.П. Коржихина и Ю.Ю. Фигатнер обращают внимание на условность скачка доли лиц с высшим образованием с 20% в 1924 г. до 80% в 1939 г. в силу общего невысокого качества вузовской подготовки в годы первой пятилетки; возможности легкого получения дипломов уже занявшими посты чиновниками. Значительная часть обладателей вузовских дипломов получили его в системе военного и весьма поверхностного партийного образования (Коржихина, Фигатнер, 1993, с. 31, 34).

Вместе с тем реализация индустриального проекта в СССР, потребовав выдвижения на руководящие должности молодых, проверенных органами НКВД выпускников советских вузов, привела к росту представителей высшего звена хозяйственной элиты, вошедшей в состав ЦК либо в номенклатуру ЦК. Жесткие требования предъявлялись к руководителям отраслевых наркоматов, хозяйственных ведомств, директорам крупнейших заводов-гигантов. Некомпетентность преданных назначенцев могла быть прощена Сталиным. Но парадокс тоталитарной системы: освоение индустриальных объектов – выпуск широкой номенклатуры сложных технических изделий, узлов и агрегатов – требовало квалифицированных технократов, способных в условиях хронического дефицита

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. ОП. Д. 1, 7, 163.

⁵ *Коммунисты в составе аппарата государственных учреждений и общественных организаций. Итоги Всесоюзной партийной переписи 1927 г.* (1929). М.: Госиздат.

средств, кадров, запасных частей к оперативному самостоятельному решению. В этом ракурсе выдвигенчество, в некоторой степени содействуя формированию управленческого корпуса в промышленности, меняло состав советской элиты по различным векторам (Фельдман, 2020а).

Период 1930-х гг. – время роста влияния хозяйственной элиты и в меньшей степени ее представителей в ЦК. Пример выдвижения в ЦК А.Н. Косыгина, Н.А. Вознесенского, целого ряда молодых технократов (Л.Б. Ванникова, И.Ф. Тевосяна, В.А. Малышева, И.И. Носенко, С.З. Гинзбурга, члена ЦКК, и др.), ставших наркомками в конце 1930-х гг., свидетельствовал об определенной зависимости политического режима от управленцев с инженерным мышлением.

Характеристики советской элиты как социального слоя формировались под влиянием ряда факторов. Близость к власти, номенклатурные привилегии действительно способствовали, как пишет А. Гетти, формированию господствующей корпоративной группы. В практику советской элиты в 1930-е гг. вошли немалые денежные пособия, покупка за казенный счет мебели; оплачиваемые за счет партийной кассы обеды, банкеты; строительство роскошных, по меркам 1930-х гг., квартир и дач; выстроенные согласно секретным постановлениям ЦК и СНК сеть специальных магазинов и системы привилегий, элитных квартир. Внутренние связи крепились их особым знанием, совместным перенесением трудностей подполья; общим делом; сетью личного доверия, специфической политической культурой, отражающей их традиции; статусом общности судеб и привилегий материально-бытового положения (Гетти, 2016, с. 57, 59). Однако сравнение в монографии А. Гетти советской элиты с «высшей аристократией в старой России» вызывает сомнение: более точным стало бы сравнение с военно-служилым сословием, поскольку сохранение должности высшими управленцами 1930-х гг. зависело от выполнения заданий Центра и от доверия Сталина.

Отличие советской элиты от аристократии заключалось и в масштабах социального лифта. Социальный лифт в СССР действительно был массовый и выносил на самый верх сотни людей. Многие из них, за отсутствием способностей или за малейшие отступления от советских идеологических стандартов, «сбрасывались вниз» еще во время «движения лифта». Трагической стороной являлась цена движения социального лифта: наиболее активные созидатели индустриальной мощи СССР стали жертвами тоталитаризма.

Роли ЦК как института политической жизни СССР на протяжении 1930-х гг.

Можно ли говорить о значительной роли ЦК как *института политической жизни СССР* на протяжении 1930-х гг.? На пленумах ЦК уже не решались, как в конце 1920-х гг., стратегические вопросы развития страны. Однако история ряда пленумов ЦК этого периода свидетельствует о скрытом противостоянии управленцев, отвечающих за конкретные участки работы, частым, зачастую хаотичным, переменам «генеральной линии» партии.

Начиная с Пленума ЦК ВКП(б) в январе 1933 г., рассмотревшего итоги первой пятилетки, проблема ответственности за провалы в экономике стала опасной для удержания власти Сталина. Никакая массивированная пропаганда

«триумфа» первой пятилетки не могла вытравить из сознания хозяйственников и региональных лидеров ощущения несоответствия реальности и мифологии. Для участников январского Пленума ЦК, отвечающих за конкретные региональные или хозяйственные проекты, было очевидно, что переход к «умеренному курсу» является косвенным признанием провала политики «большого скачка». Но большинством членов ЦК это понималось только как тактическая неудача правящей партии, и сдержанные критические нотки звучали в выступлениях ряда членов ЦК. Не случайно январский Пленум ЦК 1933 г. выводил изошренность сталинской управленческой деятельности на новый уровень: даже уже произнесенное выступление участников Пленума подвергалось цензуре, и в печатном виде представало в ином облики⁶.

Э. Модсли и С. Уайт справедливо отрицают мнение ряда советологов о том, что причиной репрессий была необходимость обновления элиты и пополнение ее новыми кадрами, поскольку уничтожение $\frac{3}{4}$ представителей сталинской элиты 1934 г., не говоря уже о массовых репрессиях на более низких уровнях общества, никак не укладывается в эти рамки. Но вывод британских историков пессимистичен: репрессии 1937–1938 гг. – уникальное явление, *не имеющее рационального объяснения* (Модсли, Уайт, 2011, с. 125–126).

Так ли это? Широкомасштабное использование «чисток» партии, направленных на обеспечение поддержки необходимого уровня легитимности власти среди основных групп населения (Красильников, 2020а, с. 190), понижение в должности за малейшую критику, заполнение информационного пространства мифологизмами не остановили роста недовольства Сталиным со стороны тех, кто вынес запредельные перегрузки первой пятилетки.

Ответ управленческого корпуса на XVII съезде ВКП(б) наглядно проявился в голосовании 9 февраля 1934 г. при выборе кандидатов в состав ЦК. Число делегатов съезда, проголосовавших против Сталина, варьируется историками в диапазоне от 123 до 300. Но достоверный факт – уничтожение 166 бюллетеней (Такер, 2013, с. 320) – позволяет констатировать, что таким образом определенная часть членов и кандидатов в члены ЦК выразила свою оценку деятельности вождя.

Перед нами логическое проявление длительной борьбы двух подходов – рационального и волюнтаристского – к реализации государственной политики. Не мифические заговоры, не происки зарубежных разведок, не борьба фракций в партийно-государственном руководстве (как это было в конце 1920-х гг.). Реалистический курс в экономической сфере столкнулся с волюнтаристским в условиях, когда открытое обсуждение насущных проблем было приравнено к государственной измене. Именно этим в первую очередь объясняется тот факт, что в 1936–1938 гг. в ходе массовых репрессий против номенклатурных кадров произошла замена примерно половины хозяйственных руководителей, входивших в номенклатуру ЦК ВКП(б) – от наркомов до руководителей крупных предприятий (Хлевнюк, 2018, с. 60).

⁶ Выступления ряда входивших в состав ЦК хозяйственных руководителей при публикации в «Правде» были сокращены и лишены критических замечаний. См. *Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Ч. II* (1999). М.: Институт российской истории РАН.

Показательно и другое. История всесоюзных совещаний хозяйственных руководителей и высших партийных лидеров в 1931–1936 гг. свидетельствует о нарастании противоречий в подходах к реализации пятилетних планов внутри советской элиты (Фельдман, 2021б).

Не спасало от репрессий и членство в Политбюро ЦК ВКП(б): репрессиям подверглись 9 человек, в разное время входивших в состав Политбюро ЦК: К.Я. Бауман, Н.И. Бухарин, С.В. Косиор, П.П. Постышев, Я.Э. Рудзутак, А.И. Рыков, Г.Я. Сокольников, В.Я. Чубарь и Р.И. Эйхе. Трое членов Политбюро ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде, – Киров, Куйбышев, Орджоникидзе – были убиты или умерли при невыясненных обстоятельствах, а трое кандидатов в члены Политбюро – Чубарь, Постышев и Рудзутак – были арестованы и расстреляны (Михайлов, 1989, с. 86).

Представители советской элиты в 1930-е гг. в своей массе активно поддерживали сталинский курс, демонстрируя преданность партии и лично Сталину; были повязаны политикой насилия и террора по отношению к «лишенцам», действительным и вымышленным оппозиционерам; участвовали в раздувании культа Сталина, как «вождя мирового пролетариата». Однако все эти люди помнили ход острой борьбы за власть на пленумах ЦК 1928–1929 гг., знали правду о цене сталинской деформации первого пятилетнего плана, о попытках генсека взвалить вину за последствия на нижестоящие кадры. Кроме того, мощь военной элиты, входившей в состав ЦК (например, пяти маршалов СССР!), сила региональных лидеров, влияние и возмощности наркомов усиливались системой патрон-клиентских связей. Эти связи, крепко опутавшие высший управленческий корпус СССР и являвшиеся основой благосостояния партийной номенклатуры, ее привилегированного положения в обществе, стали нормой жизни для общества этакратического типа, где каркас стратификационной структуры образует сама государственная власть, распространяющаяся на подавляющую часть материальных, трудовых и информационных ресурсов.

От участников пленумов ЦК зависела легитимизация всех управленческих решений руководства СССР. Решения январского Пленума ЦК (1933 г.), официально осудившего принципы форсированного развития, позволяли руководителям наркоматов и ведомств более полно считаться с социально-экономическими реальностями и все чаще предлагать решения, противоречащие политике «большого скачка»; переход к «умеренному курсу» с 1933 г., связанный с нарастанием относительного «разномыслия» в различных структурах партийно-государственного аппарата (Дэвис, Хлевнюк 1994, с. 106); принятие государственной программы технического образования рабочих на Пленуме ЦК в декабре 1935 г.; утверждение проекта Конституции в 1936 г.; засекреченный Пленум ЦК ВКП(б) в марте 1940 г., главным вопросом которого стали «уроки войны с Финляндией»⁷ – эти и многие другие веховые изменения курса правящей партии обсуждались и утверждались на пленумах ЦК.

Ни о каких фракциях в составе ЦК уже не могло идти речи (Хлевнюк, 1996, с. 75). Но даже ограниченная критика конкретных провалов в экономике со стороны способных к рациональным методам управления отдельных членов

⁷ Путеводитель по фондам и коллекциям документов КПСС (25 октября (7 ноября) 1917 – август 1991 гг.) (2008). Вып. 4. М.: РОССПЭН.

Политбюро (Орджоникидзе, Куйбышев, Рудзутак), получая поддержку со стороны членов и кандидатов в члены ЦК, формировала определенную модель поведения – скрытую форму сопротивления (Фельдман, 2020).

События лета 1936 г. (июньские заседания Совета при наркоме тяжелой промышленности⁸) продемонстрировали глубину расхождения идеалистического и рационального подходов к основным вопросам экономической политики, прежде всего порочность курса на количественные показатели и карательные методы управления. Апогеем расхождения стали заключительные слова Орджоникидзе: «Пора нам отказаться от планирования выполнения плана по валовой продукции», – заявил нарком. «Надо планировать выполнение программы *не валовой продукции, а по товарной* – сколько *готовой* продукции мы выпустили для нашего населения, для нашего народного хозяйства»⁹.

Уничтожение части элиты не отменяло ее значения, и очередное молчание Сталина на XVIII Всесоюзной партийной конференции (февраль 1941 г.) отражало не только размышления над подходами к ускорению процесса укрепления оборонного потенциала страны, но и вынужденное признание ограниченности своих знаний и возможностей в решении этой задачи. Выступления делегатов на XVIII Всесоюзной партийной конференции высветили прерванный в 1937–1938 гг. процесс формирования двух моделей функционирования советской элиты: бюрократической, нацеленной на максимальное ужесточение наказаний за отступлений от догм и указаний сверху, и рациональной, продолжавшей, по сути, «умеренный курс». Первая нашла системное выражение в докладе Маленкова на конференции и частично в принятых резолюциях конференции. Вторая – в выступлениях ленинградской делегации (А. А. Кузнецов, Н. А. Вознесенский, А. Н. Косыгин, И. М. Зальцман), осмысливших опыт Советско-финской войны. Если включение многих положений доклада Маленкова в текст резолюций означало прямую поддержку со стороны Сталина, то выдвижение в состав Политбюро Вознесенского и оперативное размещение докладов ленинградцев в газете «Правда» означало вынужденную необходимость для Сталина осмысления опыта малой войны (Фельдман, 2021b).

Поколение управленцев в составе ЦК конца 1930-х гг. перенимало от предшественников не только систему привилегий и номенклатурных должностей, но и необходимость решать конкретные задачи индустриального проекта. Уменьшение времени на решение этих задач в последние предвоенные месяцы требовали от управленцев умения оперативно и самостоятельно решать возникающие проблемы, добиваясь поддержки Сталина (Шахурин, 1984).

Действительно, в середине 1930-х гг. в номенклатурной системе проявились кризисные явления. Партийная номенклатура, которая должна была обеспечить модернизационный прорыв, в силу недостаточной компетентности, «овельможивания» местных руководящих партийных работников, расстановки

⁸ Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР 25–29 июня 1936 г. представлял собой вполне конкретный форум: собрание элиты хозяйственных руководителей – заместителей наркома, руководителей главков, директоров 112 крупнейших предприятий тяжелой промышленности.

⁹ Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. Второй Пленум. 25–29 июня 1936 г. (1936). М.: Сектор общих изд. ОНТИ. С. 390–410.

«своих» людей на ключевых постах, оказалась не готова к курсу на приоритет качественных показателей в ходе второй пятилетки, что существенно затрудняло исполнение важных государственных задач, называемых генеральной линией партии (Колтушко, 2006). Однако в это же время представители хозяйственной элиты при поддержке Орджоникидзе и руководящих работников Наркомата тяжелой промышленности выдвигают предложения по подготовке экономической реформы, способной на десятилетия обогнать время.

Недоверие Сталина к партийным региональным лидерам после XVII съезда партии, его подозрительность к инициативам хозяйственных руководителей привели к широкомасштабным репрессиям, истреблению значительной части советской элиты. Вместе с тем необходимость выполнения сложнейших производственных заданий оборонного характера в условиях приближения войны сдерживала размах и суровость самого наказания за отклонения от безусловного выполнения поручений Центра (Шахурин, 1984, с. 89). Сталинская управленческая система и ее руководитель в последние предвоенные месяцы натолкнулись на барьеры объективного характера, в том числе зависимость от компетенций представителей советской элиты. Судьба режима теперь напрямую зависела от качества и быстроты действий «полководцев экономики» – хозяйственников различных уровней, и, осознавая такую зависимость, приближение войны позволило диктатору куда более четко увидеть пределы «абсолютной» власти.

Таким образом, состав ЦК за 1930-е гг. был «избавлен» от даже потенциальных противников Сталина. Но представители советской элиты сохранили функцию амортизатора наиболее опасных сталинских решений. В критических ситуациях Сталин, установив жесткий формат обсуждения проблем, был вынужден обращаться к коллективному разуму управленцев, избранных в ЦК.

Несмотря на масштабные репрессии, принципы функционирования партийной номенклатуры и реализации власти остались прежними. Насильственный уход представителей «революционной» элиты и разрушение старых патрон-клиентских связей сменились приходом новой номенклатуры, восстановившей привычную модель патернализма. Сформировавшийся за 1930-е гг. состав советской элиты в значительной мере отражал характерные черты партийно-государственной номенклатуры в СССР в целом.

Изучение биографий членов ЦК 1930-х гг., лишенное конъюнктурного и идеологического влияния, находится на начальном этапе. Период конца 1980-х – начала 1990-х гг. принес ряд небольших статей, скорее приглашавших к полноценным исследованиям. В новом веке эта тема оказалась на периферии научных изысканий. Между тем системное исследование социальных механизмов регулирования жизненных траекторий, увязывающее возрастную дифференциацию, социально-классовое расслоение с конъюнктурными циклами, кризисами, историческими событиями, способно вывести понимание характеристик советской элиты 1930-х гг. на новый, подлинно научный уровень.

Заключение

Подведем черту. Процесс идентификации советской элиты 1930-х гг. должен включать в себя ряд последовательных исследовательских действий.

Анализ эволюции социологических характеристик партийцев, входящих в состав советской элиты, по сути, является только подготовительным действием. Ни масштабные репрессии, ни постоянное, сознательное перемещение кадров (процесс «назначенства») не меняли социального положения номенклатурного слоя, задач реализации индустриального проекта.

В годы первых пятилеток усиливается определенный «водораздел» большевистских кадров на «хозяйственников», формировавшихся во многом из представителей рабочих профессий, и «политиков», вышедших из интеллигентно-разночинской среды. Судьба и историческая оценка жизненных траекторий представителей хозяйственной элиты в большей степени, партийной номенклатуры в меньшей степени зависела от умения обеспечить модернизационный прорыв.

Иной плоскостью оценок является анализ столкновения предложений по подготовке экономической реформы, способной на десятилетия обогнать время, и усиления тоталитаризма во всех областях жизни страны. Столкновения, обусловившего гибель значительной части элиты 1930-х гг.

Список литературы

1. Гетти, А. (2016). *Практика сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция*. М.: РОССПЭН, 2016.
2. Дука, А.В. (2012). О подходах к анализу властных элит. *Управленческое консультирование*, (3), 48–55.
3. Дэвис, Р., Хлевнюк, О.В. (1994). Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики. *Отечественная история*, (3), 92–108.
4. Колтушко, А.А. (2006). *Кадровая революция в партийной номенклатуре на Урале в 1936–1938 гг.* Пермь: АҚД.
5. Коржихина, Т.П., Фигатнер, Ю.Ю. (1993). Советская номенклатура: становление, механизмы действия. *Вопросы истории*, (7), 25–38.
6. Красильников, С.А. (2020а). «Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства. *ЭКО*, (8), 164–192. <https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2020-8-164-192>
7. Красильников, С.А. (2020b). «Великий перелом» как социальное действие и политика мобилизующей раннесоветское общество диктатуры. В 1929: «Великий перелом» и его последствия: *Материалы XII международной конференции (26–28 сентября 2019 г., Екатеринбург)* (с. 6–24). М.: РОССПЭН.
8. Михайлов, Н.О. (1989). О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии. *Известия ЦК КПСС*, (12), 82–113.
9. Модсли, Э., Уайт, С. (2011). *Советская элита от Ленина до Горбачева: Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг.* М.: РОССПЭН.
10. Наронская, А.Г. (2019). Концептуальные подходы к изучению политических элит (мировой и отечественный опыт). *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, 14(1), 86–91.
11. Радаев, В.В., Шкаратан, О.И. (1995). *Социальная стратификация*. М.: Наука.

12. Такер, Р. (2013). *Сталин – диктатор. У власти. 1928–1941*. М.: Центрполиграф.
13. Фельдман, М. А. (2020). Трудная попытка осмысления (новый взгляд на события XVII конференции Всесоюзной Коммунистической партии (б)). *Гуманитарные науки в Сибири*, 27(1), 78–84. <https://doi.org/10.15372/HSS20200111>
14. Фельдман, М. А. (2021a). Второй пятилетний план: эволюция подходов к реализации в период 1933–1936 гг. *Вопросы теоретической экономики*, (3), 127–144. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2021_3_127_144
15. Фельдман, М. А. (2021b). «Таинственная» конференция (XVIII Всесоюзная партийная конференция ВКП(б) в фокусе внешнеполитического фактора и индустриального проекта). *Россия и современный мир*, (1), 145–165. <https://doi.org/10.31249/rsm/2021.01.10>
16. Хлевнюк, О. В. (1996). *Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы*. М.: РОССПЭН.
17. Хлевнюк, О. В. (2016). Номенклатурная революция. Региональные руководители в 1936–1939 гг. *Российская история*, (5), 36–52.
18. Хлевнюк, О. В. (2018). Советские наркоматы и децентрализация управления экономикой в годы Великой Отечественной войны. *Российская история*, (4), 59–72. <https://doi.org/10.31857/S086956870000132-6>
19. Шахурин, А. И. (1984). *Крылья Победы*. М.: Политиздат.

References

1. Davies, R., & Khlevniuk, O. V. (1994). *Vtoraya pyatiletka: mekhanizm smeny ekonomicheskoy politiki* [The second five-year plan: A mechanism for changing economic policy]. *Otechestvennaya istoriya*, (3), 92–108.
2. Duka, A. V. (2012). *O podhodah k analizu vlastnyh elit* [On the approaches to power elite analysis]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, (3), 48–55.
3. Feldman, M. A. (2020). *Trudnaya popytka osmysleniya (novyj vzglyad na sobytiya XVII konferencii Vsesoyuznoj Kommunisticheskoy partii (b))* [A difficult attempt to comprehend (A new look at the events of the XVII Conference of the All-Union Communist Party (b))]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 27(1), 78–84. <https://doi.org/10.15372/HSS20200111>
4. Feldman, M. A. (2021a). *Vtoroj pyatiletnij plan: evolyuciya podhodov k realizacii v period 1933–1936 gg.* [The second five-year plan: The evolution of implementation approaches in the period 1933–1936]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, (3), 127–144. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2021_3_127_144
5. Feldman, M. A. (2021b). “Tainstvennaya” konferenciya (XVIII Vsesoyuznaya partiynaya konferenciya VKP (b) v fokuse vneshnepoliticheskogo faktora i industrial'nogo proekta) [The “mysterious” conference (XVIII All-Union Party Conference of the CPSU (b) in the focus of the external political factor and the industrial project)]. *Rossiya i sovremennyy mir*, (1), 145–165. <https://doi.org/10.31249/rsm/2021.01.10>
6. Getty, A. (2016). *Praktika stalinizma: bol'sheviki, boyare i neumirayushchaya*

tradiciya [Practicing Stalinism: Bolsheviks, boyars, and the persistence of tradition]. Moscow: ROSSPEN.

7. Khlevnyuk, O.V. (1996). Politbyuro. *Mekhanizmy politicheskoy vlasti v 1930-e gody* [Politburo. Mechanisms of political power in the 1930s.] Moscow: ROSSPAN.

8. Khlevnyuk, O.V. (2016). *Nomenklaturnaya revolyuciya. Regional'nye rukovoditeli v 1936–1939 gg.* [The nomenclature revolution. Regional leaders in 1936–1939]. *Rossiyskaya istoriya*, (5), 36–52.

9. Khlevnyuk, O.V. (2018). *Sovetskie narkomaty i decentralizaciya upravleniya ekonomikoj v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Soviet People's Commissariats and the decentralization of economic management during the Great Patriotic War]. *Rossiyskaya istoriya*, (4), 59–72. <https://doi.org/10.31857/S086956870000132-6>

10. Koltushko, A.A. (2006). *Kadrovaya revolyuciya v partijnoj nomenklature na Urale v 1936–1938 gg.* [The personnel revolution in the Party nomenclature in the Urals in 1936–1938]. Perm: AKD.

11. Korzhikhina, T.P., & Figatner, Yu.Yu. (1993). *Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie, mekhanizmy dejstviya* [The Soviet nomenklatura: Evolution and action mechanismS]. *Voprosy istorii*, (7), 25–38.

12. Krasilnikov, S.A. (2020a). “General'naya chistka” gosapparata 1929–1932 godov kak proyavlenie krizisa legitimnosti partijnogo gosudarstva [The “General purge” of the state apparatus of 1929–1932 as a manifestation of the crisis of the legitimacy of the party State]. *ECO*, (8), 164–192. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-8-164-192>

13. Krasilnikov, S.A. (2020b). “Velikij perelom” kak social'noe dejstvie i politika mobilizuyushchej rannesovetskoe obshchestvo diktatury [The “Great turning point” as a social action and policy of the dictatorship mobilizing the early Soviet society]. In 1929: “Velikij perelom” i ego posledstviya: *Materialy XII mezhdunarodnoj konferencii (26–28 sentyabrya 2019 g., Ekaterinburg)* (pp. 6–24). Moscow: ROSSPEN.

14. Mawdsley, E., & White, S. (2011). *Sovetskaya elita ot Lenina do Gorbacheva: Central'nyj Komitet i ego chleny, 1917–1991 gg.* [The Soviet elite from Lenin to Gorbachev: The Central Committee and its members, 1917–1991]. Moscow: ROSSPEN.

15. Mikhailov, N.O. (1989). O sud'be chlenov i kandidatov v chleny CK VKP(b), izbrannogo XVII s'ezdom partii [About the fate of members and candidates for members of the Central Committee of the CPSU(b), elected by the XVII Party Congress]. *Izvestiya CK KPSS*, (12), 82–113.

16. Naronskaya, A.G. (2019). *Konceptual'nye podhody k izucheniyu politicheskikh elit (mirovoj i otechestvennyj opyt* [The conceptual approaches in research on political elites (international and national experience)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki*, 14(1), 86–91.

17. Radaev, V.V., & Shkaratan, O.I. (1995). *Social'naya stratifikaciya* [Social stratification]. Moscow: Nauka.

18. Shakhurin, A.I. (1984). *Kryl'ya Pobedy* [Wings of Victory]. M.: Politizdat.

19. Tucker, R. (2013). *Stalin – diktator. U vlasti. 1928–1941* [Stalin is a dictator. In power. 1928–1941]. Moscow: Tsentrpoligraf.

Информация об авторе

Михаил Аркадьевич Фельдман, доктор исторических наук, профессор, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9825-6650>, e-mail: feldman-mih@yandex.ru

Information about the author

Mikhail Arkadyevich Feldman, Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Institute of Management, Branch of RANEPa, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9825-6650>, e-mail: feldman-mih@yandex.ru